

EX LIBRIS

Достучаться до небес...

...стремится человек в посмертной книге Льва Баньковского

Юлия Баталина

Название книги «Привет тебе, небо!» звучит немного грустно: автор не так давно умер. Впрочем, Лев Баньковский, из чьего необъятного архива была извлечена эта рукопись, и при жизни был не вполне земным человеком. На вечере его памяти, на котором состоялась презентация книги, выступавшие в один голос говорили: Баньковский обладал удивительным умением соединять небо и землю.

Книга «Привет тебе, небо!» посвящена авиационной этнологии. Этнология — наука об этносе, но в этом труде в качестве «этноса» берутся пермяки — не финно-угорский народ, а все жители Пермского края. Натяжка, конечно, но только не с точки зрения Баньковского. У него были все основания рассматривать пермяков как этническую общность, у которой особые отношения с небом. Эти отношения автор изучает буквально во всех аспектах: от ареала перелётных птиц, бывающих в Прикамье, до березниковского «космического металла» титана и знаменитого приземления в Пермской области космонавтов Беляева и Леонова.

А вообще, фактов в книге — масса. По Баньковскому выходит, что тема неба для Пермского края — первейшая на протяжении всей истории его населения. Коми-пермяцкие крылатые личины, ссыльно-каторжные инженеры-мечтатели, Александр Попов, Василий Каменский и Николай Славянов, гене-

ральные директора и главные инженеры моторостроительных заводов — все они работали ради того, чтобы человек дотянулся до неба.

Любой читатель этой книги найдёт в ней что-то новое, будь он хоть трижды знаток авиационно-космической темы, поскольку Баньковский умудрился выкопать такие подробности даже самых раскрученных сюжетов, какие неведомы никому, кроме непосредственных участников событий. Например, рассказывая о том, как житель деревни Васькино нашёл в лесу космонавтов, он не забывает упомянуть о том, что охотник побежал в деревню и принёс Беляеву и Леонову хлеба и сала — последний кусок сала, оставшийся у него в запасах. Эти небольшие детали делают рассказ о том, как пермяки помогают покорить небо, очень живым и личностным.

При этом факты в книге приводят-ся не разрозненно, а в системе. Это ещё одна особенность мышления Баньковского: он во всём видел взаимосвязь,

сложную систему каких-то смысловых переключек, всегда стремился систематизировать факты. В системе он видел красоту.

Книга проиллюстрирована множеством схем, таблиц и диаграмм, а в тексте можно прочесть, например, как видовой состав птиц, обитающий в какой-то местности, соотносится с архитектурой крестьянских домов.

Когда Баньковский описывает процесс строительства деревенского дома, его конструктивные особенности, его

расположение на местности и т. д., он делает это с истинно любовным увлечением, будто рисует романтический портрет девушки. Зачитаешься.

Справедливости ради надо сказать, что в своём стремлении во всём найти тайные переключки и взаимосвязи Баньковский не знал меры. Есть здесь явно надуманные сопоставления, а порой и просто мистические. Автор книги, кроме всего прочего, не был чужд «тайных знаний», увлекался учением Рериха и прочими подобными темами. Так что читатель сам должен фильтровать информацию в меру личной критичности восприятия. Однако стремление — и умение! — Баньковского везде находить осмысленные причины каждого события и факта само по себе чрезвычайно обаятельно независимо от того, является ли вы по натуре легковёрным или скептиком.

Семён Ваксман вспоминает, что Баньковский как-то объяснил ему, почему Нил Армстронг, прежде чем ступить на поверхность Луны, поболтал ногой. Оказывается, так поступил герой книги Жюль Верна «Первые люди на Луне», в которой, кстати, был герой по фамилии Армстронг. Баньковский знал, что американский астронавт перед полётом читал Жюль Верна, и сопоставил факты.

Так это или нет, подражал ли Армстронг герою недавно прочитанной книги или у него просто нога затекла, никому не известно. Но история получилась красивой. ■

Главный пермист всех времён

Лев Баньковский

Вода, земля, воздух, огонь... Четыре стихии — это область интересов Баньковского. Он был метеорологом, геологом, инженером и экологом. Прекрасно знал поэзию и составлял поэтические сборники для Пермского книжного издательства. Разработал исчерпывающее обоснование и описание охраняемых природных зон Пермского края. В отличие от многих краеведов, был не только систематологом, но и теоретиком: создал теорию краеведения и теорию патриотизма. Он многое сделал для того, чтобы краеведение начали воспринимать как серьёзную науку, а не только как предмет для внеклассных уроков в средней школе. Выступал на международном симпозиуме по планетологии и разработал новые модели природы землетрясений. По заданию учёных-гигиенистов испытывал на себе различные растения с целью изучить их пищевые и лечебные свойства. Испытал их более 100!

Лев Баньковский — автор слова «пермистика» и главный пермист всех времён: больше него о Перми и Пермском крае никто не знает и, видимо, не будет знать, потому что невозможно знать больше энциклопедии. А он был ходячей энциклопедией.

Образ Льва Баньковского, каким его запомнил коллега — писатель-геолог Семён Ваксман: Лёва идёт по библиотеке им. Горького со стопкой книг, которую придерживает подбородком.

Его жизненной средой была информация, к которой Баньковский относился очень эмоционально, но в то же время системно: если бы не железная логи-

ка и дисциплина, которые заставляли все сведения раскладывать по папочкам и полочкам, как виртуальным — в голове, так и реальным — в архиве, он бы в этом информационном море утонул. Его фантастический архив состоял из сотен досье — вырезки из газет и журналов об учёных, артистах, поэтах и героях. Под конец жизни он раздавал эти папки знакомым — каждому то, что ему интересно.

При этом он не был, по выражению одного из героев Стругацких, «чужаком-прохвессором из дурного фильма». Если и витал в облаках, то прицельно, а если действовал, то результативно.

Его блестящий ум был ещё и великолепно организован: друзья надеялись на него как на человека пробивного, благодаря которому в Перми состоялись многие издательские и просветительские проекты. А помогал друзьям он всегда охотно, потому что человеком был открытым, общительным и отзывчивым, великолепным рассказчиком. Некоторые даже считали его чересчур словоохотливым, но широчайший круг его друзей всегда ценил его умение высказываться на любую тему со знанием дела.

Наследие Льва Баньковского огромно. Он опубликовал более 100 монографий по различным сферам знания и более 700 статей в сборниках, газетах и журналах. Но ещё больше его трудов осталось неопубликованными. Последняя прижизненная книга (не считая докладов, опубликованных в сборниках «Смышляевских чтений» и пр.) — легендарная «Пермистика», вышедшая в серии «Пермь как текст», той самой, которая была задумана Алексеем Ивановым и так бесславно «недозавершилась» прежней командой краевого минкульта. Баньковский оказался в числе тех авторов, которым так и не был выплачен гонорар, по поводу чего редактор серии Ксения Гашева испытывает чувство вины, хотя, по правде говоря, она и сама относится к категории пострадавших. Именно Ксения Гашева стала инициатором посмертного издания трудов Баньковского.

Первая из возможной серии книг Льва Баньковского вышла благодаря поддержке программы «Пермская библиотека». Любопытно, что это уже третья в 2013 году книга об авиации в аспекте краеведения, вышедшая в Перми. Не связано ли это с информационным фоном и политической повесткой дня, где одной из доминант является судьба пермского аэропорта?